

Фельетонъ.

Случайныя замѣтки.

Жаль, что вліяніе на жизнь печатнаго слова столь-же неуловимо, какъ и несомнѣнно. Было-бы въ высокой степени важно и интересно знать, въ какой мѣрѣ и насколько глубоко впитываетъ въ себя человѣкъ энергію печатнаго слова, сѣющаго „разумное, доброе, вѣчное“ и поучающаго новымъ формамъ труда и быта. Особенно важно было бы имѣть показатель распространенія вліянія слова въ средѣ деревенской массы, нуждающейся въ совѣтахъ книгъ и газеты болѣе всякаго другого общественнаго класса.

Предо мной лежитъ 3-й № *Вятской Газеты*, которая, пожалуй, является лучшимъ изъ немногихъ существующихъ у насъ проводниковъ просвѣщенія въ деревню. За 2 р. въ годъ изданіе почтеннаго вятскаго земства знакомитъ мужика съ біографіями и образцами творчества такихъ хорошихъ русскихъ людей, какъ Бѣлинскій, Некрасовъ, печатаетъ отчеты о земскихъ собраніяхъ, выясняетъ значеніе законовъ, рассказываетъ о сельско-хозяйственныхъ союзахъ во Франціи, постоянно и во всѣхъ возможныхъ формахъ знакомитъ своего сѣраго читателя съ его друзьями, работавшими для него въ той или другой области. И, нужно воздать должное руководителямъ газеты, все въ ней излагается серьезно, просто, толково, безъ под-

дѣлокъ подъ мужицкій языкъ, съ твердой увѣренностью, что если деревенскій читатель захочетъ понять—онъ пойметъ. Къ газетѣ ежемѣсячно прилагаются „сельско-хозяйственныя тетрадки“, въ которыхъ текстомъ и рисунками учатъ мужика, какъ дѣлать ложки, улы, строить печи для топки торфомъ, печатаютъ свѣдѣнія объ устройствѣ вселенной,—и все это, взятое вмѣстѣ, производитъ впечатлѣніе работы дружной, продуманной, вызванной яснымъ сознаніемъ той огромной важности, которую имѣетъ для мужика всякое прикладное и теоретическое знаніе. И очевидно, что вятскій мужикъ понимаетъ и цѣнитъ трудъ интеллигента: въ томъ-же 3-мъ номерѣ газеты помѣщенъ отзывъ мужика о *Журналѣ для Всѣхъ*, отзывъ, въ которомъ онъ, рекомендуя деревнѣ это симпатичное изданіе, перечисляетъ его достоинства, желаетъ видѣть въ немъ больше статей по сельскому хозяйству и твердо зная цѣну всякой мелочи, человѣкъ прежде всего практической, дѣлаетъ въ заключеніе такое указаніе:

„Хорошо было бы, если бы журналъ былъ уменьшенъ въ форматѣ, т. е. согнуть еще вдвое. Подписчики иногда далеко находятся отъ волостныхъ правленій, а потому журналъ посылается съ разными попутчиками, которые, неся журналъ за пазухою верстъ 10—15, изрядно таки его помнутъ и позагибають углы, а иногда и сложать его вдвое,—отчего книжки сильно страдаютъ“.

* * *

Нижегородское земство, приступая къ изданію земской мужицкой газеты, имѣетъ

предъ собой прекрасный образецъ, вполне заслуживающій подражанія. Намъ кажется, что нашему земству слѣдуетъ отвести въ газетѣ побольше мѣста популяризаціи прикладныхъ, ремесленныхъ знаній. Въ горбатовскомъ уѣздѣ у насъ есть Шеффилдъ и Бирмингамъ, семеновскій — нашъ русскій Нюрнбергъ и—ужь куда ни шло!—развѣ не можетъ быть Валансьеномъ, Брюсселемъ наша Балахна? Это не шутка, между прочимъ.

На-дняхъ въ *Новомъ* времени была помѣщена такая замѣтка:

„Было время, когда нашъ кустарь побивалъ фабриканта (въ 50-хъ годахъ). Теперь наблюдается обратное, но если взглянуть въ положеніе вещей, каково оно въ дѣйствительности, то окажется, что не потому хирѣетъ нашъ кустарь, что время его прошло и пѣсня свѣта. Гибнетъ кустарь невѣжественный, кустарь, производящій товаръ, не требующій индивидуальнаго замысла, ординарный, который скорѣе, лучше и дешевле приготовить машина. Кустарная артистическая промышленность завоевываетъ вышній рынокъ. Такъ, кружева вологодскихъ кружевницъ въ древне-русскомъ стилѣ идутъ въ Парижъ“.

Къ этому можно съ полнымъ правомъ прибавить, что если-бы балахинскія кружевницы имѣли предъ собой хоть какіе-либо рисунки,—ихъ кружева нашли бы болѣе широкой сбытъ, и вмѣсто ничтожныхъ нѣсколькихъ копеекъ за 16 часовъ работы, эти женщины получали-бы рубли, какъ получаютъ ихъ торжковскія золотошвейки, тоже сбывающія свое шитье въ Лондонъ, Вѣну и

Парижъ. Въ Усмани одна добрая женщина научила бабъ вышивать по полотну шелкомъ, и нынѣ усманскія бабы получаютъ заказы на драпри и шторы изъ Тифлиса, Одессы и даже Константинополя. Въ Опшнѣ, полтавской губерніи, издавна мужики славились умѣньемъ обливать глиняную посуду, но—„что слава?“ Они получили гроши за свои разноцвѣтные блюда, не уступавшія по облицовкѣ майоликамъ. Но съ годъ тому назадъ они привезли на рынки новую посуду болѣе изящныхъ формъ, съ хорошими рисунками. Эту посуду, ранѣе имѣвшую сбытъ только въ деревняхъ, жадно стали хватать горожане, и они будутъ всегда покупать ее, если новое производство не замретъ въ этой формѣ, не примелькается и не потеряетъ вида новизны. Такихъ примѣровъ можно указать немало, и всѣ они ярко свидѣтельствуютъ объ умѣнии мужика пользоваться цѣнными указаніями, улучшающими его жалкую кустарную работу, о необходимости улучшать эту работу, ибо она поддерживается „благосостояніемъ“ мужика, даетъ ему кусокъ хлѣба, проще говоря.

А наши семеновскіе кустари дѣлаютъ свои игрушки такъ-же плохо, какъ дѣлали ихъ двадцать и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Необходимо научить ихъ чему нибудь новому. Научило же московское земство своихъ кустарей плести дорожную и изящную мебель изъ камыша, корзины для цвѣтовъ, дѣлать механическія игрушки. И вообще, если-бъ о паденіи кустарныхъ промысловъ говорилось

менше, и что-нибудь дѣлалось въ пользу ихъ—было-бы куда лучше и мужику, и совѣсти интеллигента. Гармонный промыселъ въ вятской губерніи насчитываетъ немного дней своей жизни, но очень многимъ дастъ хорошій хлѣбъ. Тоже самое и въ производствѣ музыкальныхъ ящиковъ—для скрипокъ, гитаръ, виолончелей и т. д.—оно недавно развилось въ Вяткѣ. Истекшимъ лѣтомъ фабричный инспекторъ костромской губерніи, г. Гончаровъ, говорилъ мнѣ, что нижегородская выставка оказала очень благотворное влияние на кустарей-серебренниковъ, и что теперь они начали работать очень красиво, въ новыхъ формахъ и находятъ широкій сбытъ своимъ серьгамъ, кольцамъ, браслетамъ и т. п. Все это, опять, таки-свидѣтельствуетъ о жизнеспособности кустаря... если помочь ему, научить его работать, развить его вкусъ. Дайте ему хорошіе образцы, дайте указанія и онъ въ состояніи будетъ поставить на внѣшніе рынки такія же оригинальныя вещи, какими засыпаетъ этотъ рынокъ японецъ, который, придѣлавъ къ мѣдной русской копейкѣ ручку, дѣлаетъ изъ нея ложку и продаетъ иностранцу—тому-же русскому за четвертакъ.

* *

Найдутся, разумѣется, ригористы и скажутъ на это: „мужикъ не долженъ служить удовлетворенію суетнаго стремленія горожанъ къ роскоши, онъ долженъ производить своимъ трудомъ не пустяки, а предметы первой для него необходимости“. Это рѣчь хорошая, но

это лишняя рѣчь. Если ужъ внутренняя жизнь наша до такой степени иззякла и бѣдна, что мы не можемъ не окружать себя пустяками, которые развлекаютъ насъ, пусть мужикъ, а не французъ и японецъ, пусть онъ продаетъ эти пустячки иностранцамъ. За пустяки мы платимъ дорого, а мужику деньги нужны, у него хлѣба нѣтъ, единственной его пищи, пусть онъ угощаетъ насъ пикюлями, а мы дадимъ ему за банку ихъ рубль—полтора пуда хлѣба. Затѣмъ—времени онъ, все равно, тратить попусту много. Нижегородцы, конечно, помнятъ кустарное шанино, которое не играло, и велосипедъ для слона, выставившіеся въ кустарномъ отдѣлѣ въ 1896 году. Вотъ чѣмъ занимается русскій мужикъ-изобрѣтатель, оставленный безъ помощи, лишённый инициативы, полуграмотный—несчастный! Чтобы тамъ не говорили,—кустарные промыслы пока являются и должны являться важнымъ подспорьемъ мужику, а артистическая кустарная промышленность есть наивыгоднѣйшая, что, между прочимъ, прекрасно поняли финляндцы, заваливающие прибалтійскіе рынки своими маюликами, которыя немногимъ лучше мужицкой посуды изъ Опонни.

А. П.